

Мамуркина Ольга Викторовна

ТРАВЕЛОГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ

В статье проанализировано бытование травелога в русской литературной традиции: источники, жанровая генетика, основные векторы развития, тексты, использующие формулу организации путевой прозы в качестве композиционного и содержательного инварианта. Показано, что нарративная стратегия травелога является одной из наиболее продуктивных форм текстопорождения и базой для формирования собственно художественных жанров, в том числе романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 110-113. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**PROFESSIONAL PORTRAIT OF TECHNICAL HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT GRADUATE
IN TERMS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE**

Makarovskikh Aleksandra Viktorovna
National Research Tomsk Polytechnic University
alexandravm1@rambler.ru

The article describes the professional portrait of a technical higher education establishment graduate, created on the basis of the comparative analysis of engineering competences in accordance with the registry of the European Federation of National Engineering Associations, the objectives of higher education establishment work programme and activity types, and the developed skills and abilities in the use of active learning methods in the process of teaching a professional foreign language.

Key words and phrases: professional foreign language; engineering education; active learning methods; graduate's professional portrait.

УДК 82-992

Филологические науки

В статье проанализировано бытование травелога в русской литературной традиции: источники, жанровая генетика, основные векторы развития, тексты, использующие формулу организации путевой прозы в качестве композиционного и содержательного инварианта. Показано, что нарративная стратегия травелога является одной из наиболее продуктивных форм текстопорождения и базой для формирования собственно художественных жанров, в том числе романа.

Ключевые слова и фразы: русская литература; травелог; путевая проза; литература путешествий; нарративная стратегия.

Мамуркина Ольга Викторовна

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
elkala@inbox.ru

**ТРАВЕЛОГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ:
СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ©**

Понятие «травелог» (от англ. *travelogue* – описание путешествия) закрепилось в терминологическом поле отечественного литературоведения сравнительно недавно. Утверждение иноязычной номинации обширного корпуса текстов, описывающих реальное или вымышленное перемещение в пространстве, отразило подвижность границ путевой прозы и неоднородность ее состава.

В настоящее время под травелогом принято понимать «не только документальный рассказ (здесь и далее выделено автором – О. М.) о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность). Помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то как минимум умудрение (как повествователя, так и читателя)» [2]. Таким образом подтверждается документальная основа травелога, формально обоснованная уже в эпоху античности: именно тогда разнообразные отчеты о путешествиях обретают автономную жанровую природу и соответствующие номинации: периплы (от греч. *περίπλῳ* «плыть кругом, огибать»), описания морских путешествий, и перигезы (от греч. *περιήγησις* «путеводитель»), описания странствий по суше. К перигезам примыкали периоды (обзоры) и хорографии (др.-греч. *τῶρος* – «местность» и *γράφω* – «описываю»), представляющие собой географические наблюдения).

Место травелога в системе художественной прозы, на первый взгляд, определено давно и достаточно четко. Древнейшие из известных нам текстов литературы Востока и античности используют модель путешествия: это «Странствия Синухета» (между XX в. и XVI в. до н.э.), «Эпос о Гильгамеше» (XXIII-XXI вв. до н.э.), «Рамаяна» (III-II вв. до н.э.), «Одиссея» (прим. VIII в. до н.э.) Гомера, «Энеида» (29-19 гг. до н.э.) Вергилия, «Метаморфозы, или Золотой осел» (II в.) Апулея и др.

Западноевропейская литературная традиция использует ресурсы травелога еще более полно: на базе «литературы скитаний» рождается плутовской роман (да и роман в целом, достаточно вспомнить «Тристана и Изольду» и прообразы жанра, которые знала еще древнегреческая литература – «Эфиопику» Гелиодора). Такова анонимная повесть «Жизнь Ласарильо де Тормес» (1554 г.), романы-пикарески «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче» (1599 г.) М. Алемана, «Жизнь великого скупердяя» (1627 г.) Ф. Кеведо, «Хромой бес» Л. В. де Гевары (1641 г.), «Злосчастный путешественник» Т. Нэша (1594 г.), «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» (1623 г.) Ш. Сорелья, отчасти – «Симплиссимус» (1668 г.) Г. Гриммельсгаузена.

Структурный стержень травелога, маршрут, становится композиционным приемом в текстах, имеющих различные жанровые признаки («Божественная комедия» (1307-1321 гг.) Данте, «Неистовый Роланд» (1516 г.) Л. Ариосто, «Город солнца» (опубл. в 1623 г.) Т. Кампанеллы, «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533-1564) Ф. Рабле, «Жизнь и странные, удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанные им самим» (1719 г.) Д. Дефо, «Путешествия в некоторые удаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» (1726-1727 гг.) Дж. Свифта, «Фауст» (1774-1831 гг.) И. В. Гёте и т.д.).

В отечественной литературной традиции описания путешествий, как и вся словесная культура, первоначально были неотделимы от теологических установок. Так, хождение (хождение) как жанр путевой прозы представляло собой описание паломнических путешествий к святым местам: это «Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли» (XI в.), «Хождение Антония Новгородского в Царьград» (XII в.), «Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград» (1389 г.), «Хождение Авраамия Суздальского» (1437-1440 гг.), «Хождение священноинока Варсанофия ко святому граду Иерусалиму в 1456-м и 1461-1462 гг.». Процесс секуляризации русской литературы наложил отпечаток и на жанровую форму хождения: «Хождение за три моря» (включено в летописный свод в 1489 г.) Афанасия Никитина значительно шире рамок религиозного паломничества, и не только на уровне географическом. Вместе с тем паломнический сюжет оказался весьма востребованным и в литературе XIX в.: по справедливому наблюдению Е. Ю. Сафатовой [5], именно он лег в основу «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествия по Святым местам русским» А. Н. Муравьева. К хождениями примыкают проскинитарии (от греч. *προσκυνῆταίριον* «преклоняю колени») и путники – путеводители по святым местам, содержащие ценные сведения для путешествующего: «Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нём местах» (IX в.), «Поклоненье святого града Иерусалима» (XVI в.) и др.

Особую группу образуют статейные списки – документы деловой письменности, представляющие собой обширные письменные отчеты русских послов о выполнении ими своих поручений [4, с. 319]. Сохранились отчеты И. М. Воронцова, И. П. Новосильцева, Ф. А. Писемского, Г. И. Микулина, Ф. Елчина, П. И. Потемкина и ряд других.

В начале XVIII в. с преобразовательной деятельностью Петра I, ориентацией на освоение Европы и общей секуляризацией культуры появляются новые типы путевой прозы: дневники ученых – участников академических экспедиций (путевой журнал (1727-1730 гг.) Л. Делиля, путевой дневник исследователя Арктики В. Беринга; «Описание морских путешествий по Ледовитому восточному морю» (1758 г.) Г. Ф. Миллера, «Дорожный журнал» (1734-1736 гг.) С. П. Крашениникова, «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.» (1772 г.) Н. П. Рычкова, «Путешествие по разным местам российского государства» (1768-1774 гг.) П. С. Палласа). Сюда можно отнести и отчеты студентов-стажеров, направляемых учиться в Европу (Г. У. Райзера, Д. И. Виноградова, М. В. Ломоносова, С. К. Котельникова, А. П. Протасова, С. Я. Румовского, М. Софранова, С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, Ф. Каржавина и др.).

В середине столетия травелог перестает быть фактом только документальной литературы и вновь становится базой для конструирования текста как эстетического феномена. В целом развитие путевой прозы с 60-х гг. XVIII в. шло по двум направлениям: художественно-документальному и собственно художественному, документальная литература продолжает существовать, но отходит на второй план. Обширный корпус текстов промежуточного характера – травелогов с главенствующим документальным началом – стал основой русского литературного путешествия. К текстам подобного рода можно отнести «Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу» (1779-1786 гг.), «Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию» (1786 г.), «Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странных, редких и любопытных происшествий» (1790 г.) П. А. Левашова и др. В художественно-документальных путешествиях формируется ряд принципов организации нарратива, важных для литературного текста: усваивается жанровый инвариант травелога в многообразии его форм (эпистолярный, мемуарно-автобиографический, дневниковый), утверждается определяющая роль маршрута как композиционного стержня текста вне зависимости от степени его «реальности», вырабатываются приемы расширения линейности наррации за счет композиционного дублирования, формируется культура портретных и пейзажных описаний.

Возникновение собственно литературных путешествий связано с оформлением вымысла как самодовлеющей эстетической категории травелога. Андреас Шёнле в обстоятельном исследовании «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790-1840» (2004 г.) [7] устанавливает границы соотношения плана реальности и ее эстетических трансформаций в литературных путешествиях к XVIII – первой трети XIX в.: «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.) А. Н. Радищева и парадигма должного; «Письма русского путешественника» (1791-1792 гг.) Н. М. Карамзина как конструирование себя в пространстве «другого»; «травелог как ритуал социальной интеграции» («Путешествие в Малороссию» (1803 г.), «Другое путешествие в Малороссию» (1804 г.), «Путешествие в Таганрог, Одессу и Крым» (1812 г.) П. И. Шаликова); история в настоящем («Путешествие в полуденную Россию» (1800 г., перераб. и доп. в 1805 г.) В. В. Измайлова); «травелог как ритуал духовного возвышения» («Письма В. А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 году»); «Отрывок из писем русского офицера по Финляндии» (опубл. в 1859 г.) К. Н. Батюшкова и парадокс наивного, «Поездка в Ревель» (1821 г.) А. А. Бестужева-Марлинского и идеи утопии; «парадокс

сентиментального» – «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола, ресурсы иронии («Путешествие в Арзрум» (1829 г.) А. С. Пушкина, «Странник» (1832 г.) А. Ф. Вельтмана, «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833 г.) О. И. Сеньковского).

Указанные произведения не исчерпывают круг русских тревелогов первой половины XIX столетия: продолжают развивать традиции сентиментализма П. И. Сумароков («Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (1800 г.), «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803 г.)) и М. И. Невзоров («Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803)); на новый идейно-художественный уровень абсолютной метафоризации идеи странничества поднимает тревелог Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» (1842 г.), беллетризирует документальную форму журнала М. Ю. Лермонтов («Герой нашего времени», 1840 г.).

Важно, что творчество Гоголя и Лермонтова закрепляет в литературной традиции собственно роман-путешествие (*Reise-Roman*, по С. Кржижановскому [3]), прообраз которого, впрочем, создает еще Ф. Эмин в одном из наиболее известных своих романов «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763 г.). Жанровые и идейные ресурсы романа-путешествия и близких к нему форм в дальнейшем исследуют Н. А. Некрасов (поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1866-1876 гг.)), несомненно, имеет романную природу), И. А. Гончаров (цикл путевых заметок «Фрегат Паллада», 1855-1857 гг.), Н. Г. Чернышевский (роман «Что делать?», 1862-1863 гг.), Н. С. Лесков (повесть «Очарованный странник», 1872-1873 гг.) и др.

В конце XIX – начале XX века тревелог вновь заявляет о себе как об универсальной структуре для трансляции смысла любого рода. Авторы сборника статей «Беглые взгляды: новое прочтение русских тревелогов первой трети XX века» (2010 г.) [1] особо подчеркивают, что ощущение шаткости реальности подталкивало писателей к особому взгляду на мир: взгляду беглеца, взгляду, разомкнутому в вечность (в ранних тревелогох дихотомия «свой / чужой» определяла конечность пространства, наличие финальной «точки возврата, тревелого начала XX в. точки возврата не имели). Эсхатологическое мироощущение характерно для тревелогов «беглого модерна»: «Остров Сахалин» (1891-1894 гг.) А. П. Чехова, «Мимолетное. 1915 год» (1915 г.) В. В. Розанова; исследованию места личности в границах разрушающейся империи подчинен замысел «Сентиментального путешествия» (1923 г.) В. В. Шкловского (автобиографического романа, уже на уровне названия травестирующего приемы сентиментализма конца XVIII в.), «Путешествия в Армению» (1931-1932 гг.) О. Мандельштама и очерков «Ветер с Кавказа. Впечатления» и «Армения» (1928 г.) А. Белого.

Любопытно и противопоставление еще двух направлений развития тревелогов, выделенных исследователями жанра [Там же]: конструирование идеологически должного пространства новой империи («По Союзу Советов» М. Горького, 1929 г.; «Пустыня», «На востоке» (1936 г.) П. Павленко; «Дорога на Океан» (1935 г.) Л. Леонова) и «взгляд изгнанника» («Путешествие в неизвестный край» (1946 г.) Ю. К. Терапиано; «По Европе на автомобиле» (1933 г.) Г. Иванова). Идея странничества и актуализация мотива путешествия характерна для творчества И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, В. В. Набокова, М. А. Булгакова, А. Т. Твардовского.

Новейшая русская литература, пути развития которой еще до конца не поддаются осмыслению, также прибегает к тревелогам как схеме организации текста, обыгрывая жанровые формы и номинации; словесность постмодернизма, актуализирующая идею утопии / антиутопии, использует метафору пути, мотив цикличности, замыкая векторы движения: «Орфография» (2003 г.), «ЖД» (2006 г.) Д. Л. Быкова, «Метро 2033» Д. Глуховского, «2017» О. Славниковой и др. Любопытны и исследованные Ш. Г. Умеровым [6] «путешествия людей дна»: «Уроки Европы» (2002 г.) М. Арбатовой, «"Три ада": роман-антипутеводитель» А. Рясова, «Больше Бена» (2002 г.) С. Сакина, «Париж, Москва, любовь...» (2007 г.) М. Азнавура и др. Публицистичность указанных текстов сближает их с тревел-журналистикой, основным форматом которой остается журнал-тревелог («Вокруг света», «GEO», «National Geographic» и др.).

Таким образом, генезис тревелого подтверждает востребованность жанра на разных этапах развития литературы и словесности в целом: оставаясь удобной формой непосредственной фиксации впечатлений, путевая проза становилась универсальной матрицей постижения «иного», создания и закрепления «образа другого» на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии.

Список литературы

1. **Беглые взгляды: новое прочтение русских тревелогов первой трети XX века:** сб. ст. / сост. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме; пер. с нем. Г. А. Тиме. М., 2010. 400 с.
2. **Бондарева А.** Литература скитаний [Электронный ресурс] // Октябрь. 2012. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.htm> (дата обращения: 30.07.2013).
3. **Кржижановский С.** *Reise-Roman* [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М. – Л., 1925. Т. 2. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7053.htm> (дата обращения: 30.07.2013).
4. **Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: статейные списки** / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2008. 490 с.
5. **Сафатова Е. Ю.** Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским» А. Н. Муравьева: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 197 с.
6. **Умеров Ш. Г.** Пространство и время: заграничное путешествие людей «дна» как протожанр в новейшей русской литературе [Электронный ресурс] // История и современность. 2011. № 2 (14). URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/iis/2011_2/179-193.pdf (дата обращения: 30.07.2013).
7. **Шенле А.** Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790-1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб., 2004. 272 с.

TRAVELOGUE IN RUSSIAN LITERARY TRADITION: STRATEGY OF TEXT PRODUCTION

Mamurkina Ol'ga Viktorovna

*Leningrad State University named after A. S. Pushkin
elkala@inbox.ru*

The article analyzes the existing of travelogue in the Russian literary tradition: sources, genre genetics, the main vectors of development, and texts, using the formula of travel prose organization as a compositional and content invariant. It is shown that the narrative strategy of travelogue is one of the most productive forms of text production and the basis for the formation of artistic genres, including novel.

Key words and phrases: Russian literature; travelogue; travel prose; literature of travel; narrative strategy.

УДК 811.111/007

Филологические науки

В статье рассматривается понятие коммуникативной личности. Основное внимание акцентируется на личности провокатора как лидера коммуникативной ситуации и его роли в процессе провокационной речи. Выделяются и анализируются типы коммуникативной личности провокатора, а именно манипулятивный и кооперативный, исходя из целенаправленности провокатора, личности реципиента и условий коммуникативной ситуации.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная личность; провокационная речь; провокатор; манипулятивный тип; кооперативный тип.

Мельник Ирина Валерьевна*Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина
melnyk.irina@mail.ru***ОСОБЕННОСТИ И ТИПЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОВОКАТОРА©**

Особенностью современной лингвистики является поворот к изучению языка как средства познания человеком окружающего мира, а также исследование функций языковых единиц в процессе речевой деятельности, в коммуникации. Одним из приоритетных направлений в лингвистической науке становится исследование личности в процессе коммуникации, взаимодействия с другими коммуникантами. Люди по-разному ведут себя в ходе общения, по-разному интерпретируют, воспринимают, используют информацию, определяют стратегию и тактику коммуникативного поведения, накапливают определенный опыт, а потому изучение особенностей личности в процессе коммуникации представляется актуальным.

Под коммуникативной личностью В. Б. Кашкин понимает совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида, его «коммуникативный паспорт», визитная карточка [4, с. 127]. По мнению Ф. И. Шаркова, коммуникативная личность совмещает совокупность индивидуальных свойств и характеристик, которые обеспечивают умение выбрать схему передачи информации в конкретной ситуации, адекватно воспринимать информацию. Коммуникативная личность характеризуется мотивационными, когнитивными и функциональными параметрами [6, с. 61]. Под языковой личностью Г. Н. Беспямятнова понимает «совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность» [1, с. 10]. Таким образом, коммуникативная личность – это участник коммуникативного акта, наделенный совокупностью индивидуальных качеств и характеристик, которые определяются его коммуникативными потребностями, коммуникативным опытом и компетентностью коммуниканта и конкретной коммуникативной ситуацией. Коммуникативная личность динамична по своей организации, то есть конкретный коммуникант может изменить свои свойства или использовать в речевой деятельности те из них, которые наиболее соответствуют конкретной ситуации общения.

Область нашего интереса представляет участник процесса провокационной коммуникации, то есть провокатор. Провокационная речь – это особый вид межличностного общения, рассчитанный внутренне на получение некоторой ответной информации, когда адресант говорит не для того чтобы передать некую информацию, а наоборот, чтобы получить ответную информацию, в этом случае мы можем говорить о «выпытывании» информации. Провокационная речь существует для прямого воздействия на других людей, причем воздействия подчиняющего: человека вынуждают помимо его воли и желания передать некоторую информацию [2, с. 38]. Эффективность провокационной речи заключается в четком планировании адресантом-